

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.112.2'38
ББК Ш143.24-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.21

А. В. Алферов A. V. Alferov
В. Ф. Белова V. F. Belova
Е. Ю. Кустова E. Y. Kustova
Пятигорск, Россия Pyatigorsk, Russia

АГОНАЛЬНОСТЬ

ПАРЛАМЕНТАРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

(на материале дебатов в немецком парламенте)

Аннотация. Институциональный жанр парламентских дебатов представлен в статье с точки зрения интеракционного противодействия ментальных репрезентаций и ментальных программ депутатов различной партийной принадлежности. На материале дебатов в немецком парламенте по проблеме украинского кризиса выявляются риторические стратегии и приемы речевой реализации ментальных программ противоборствующих сторон. Рассматривается вопрос о взаимодействии полемических и конклюдивных дискурсов, об институциональности дискурса как мере политической ответственности его субъектов.

Ключевые слова: украинский политический кризис; парламентские дебаты; немецкий парламентский дискурс; речевая интеракция; политическая полемика; политические ментальные программы.

Сведения об авторе: Алферов Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор Научно-исследовательского центра интеракционной лингвистики и институционально-правовой коммуникации.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru.

Сведения об авторе: Белова Валентина Федоровна, кандидат филологических наук, профессор кафедры германистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: belovav2008@yandex.ru.

Сведения об авторе: Кустова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: lenakustov@yandex.ru.

Институциональный жанр дебатов предполагает сопряжение различных точек зрения на определенное положение дел, которое требует анализа и преобразования. Это содержание составляет пропозициональный план парламентской коммуникации, зафиксированный в «Повестке дня» заседаний парламентских палат. Анализ и преобразование обсуждаемой ситуации в парламенте происходит посредством речевого взаимодействия (интеракции)

Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза»).

AGONALITY

OF PARLIAMENTARY COMMUNICATION

(on the material of German parliamentary debates)

Abstract. The institutional genre of parliamentary debates is presented in the article from the point of view of active counteraction of mental representations and mental programs of deputies belonging to different parties. The techniques of rhetorical strategy of speech realization of mental programs of conflicting parties are brought to light on the material of debates in the German parliament on the problem of the Ukrainian crisis. The question of interaction of polemic and conclusive parliamentary discourses and of the institutionalism of discourse as a measure of political responsibility of its subjects is also studied in the article.

Key words: the Ukrainian political crisis; parliamentary debates; German parliamentary discourse; speech interaction; political argument; political mental programs.

About the author: Alferov Aleksandr Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Director of Centre of Interactional linguistics & Institutional Communication.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk).

Address: Kalinina, 9.

About the author: Belova Valentina Fedorovna, Candidate of Philology, Professor of Department of German Philology and Intercultural Communication.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk).

Address: Kalinina, 9.

About the author: Kustova Elena Yurievna, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University.

Address: Kalinina, 9.

представителей партийных фракций, имеющих различное видение обсуждаемого положения дел. Столкновение мнений происходит, как правило, между депутатами от правящей партии и оппозицией. Однако, помимо отстаивания узкопартийных политических устремлений, парламентская коммуникация имеет целью формирование внутренней и внешней политики государства, от которой зависит в конечном счете качество жизни соотечественников, и не

только их. Международная политика государства, такого как Германия или Франция, во многом определяет судьбы людей далеко за пределами одной страны. Политика государств, объединенных институциональностью Евросоюза, в значительной степени зависит от внешней, часто далекой от истинных национальных интересов «программы», создаваемой в Брюсселе и Страсбурге. Сложность и противоречивость политической реальности не может не отражаться на парламентской коммуникации, которая, с точки зрения лингвистического анализа, характеризуется пятью интеракционными функциями — пропозициональной, иллокутивной, аргументативной, интерперсональной и собственно дискурсивной (т. е. эффективной организации дискурсного пространства) [Алферов 2007]. Прежде всего любой парламентский документ обладает двумя характеристиками — фактуальностью и перформативностью [Cobby]. Фактуальность определяет «объективность» парламентской коммуникации, ее пропозицию, представление определенного положения дел. Перформативность выражается в реализации иллокутивного плана, т. е. достижения некоего результата когнитивной и прагматической операции над пропозицией (анализа, оценки, разрешения, запрета, руководства к изменению ситуации и т. д.), зафиксированного документально и институционально (запрос, заявление, постановление, закон). Обе характеристики тесно взаимосвязаны, и первая во многом определяет вторую: определенный ракурс в изложении ситуации (модифицированная фактуальность) может повлиять на содержание и модальность конклюдивного коммуникативного акта (документа).

«Объективность» парламентской коммуникации достигается и процессуально, т. е. институциональной парламентской интеракцией в дискурсивной форме парламентских дебатов, построенной на диалоге парламента и правительства, правящих и оппозиционных партий и т. д. Здесь на первый план выдвигается аргументативная функция парламентской коммуникации [Алферов 2013].

Основываясь на принципе ивент-анализа (от англ. *event*) [Боришполец 2005], сфокусированного на определенном политическом событии (в данном случае — политической ситуации на Украине), мы рассматриваем материалы дебатов в бундестаге, связанные с заявлением А. Меркель по украинскому конфликту. Материалом исследования послужил стенографический отчет дебатов парламента ФРГ — бундестага — от 3 марта 2014 г.

В основу проводимого анализа положено следующее положение: «Парламентский дискурс суть производное от окружающей его общеполитической полемической коммуникации, характеризующейся прежде всего агональностью, идеологической конфронтацией, непримиримостью позиций, вседозволенностью ре-

чевых и часто далеко не парламентских средств аргументации, что, конечно же, имеет место и внутри парламентской интеракции» [Алферов, Кустова].

Стратегия в парламентских дебатах может быть определена как линия поведения оратора, намеревающегося достичь определенную цель и оказать существенное воздействие на реципиента соответствующим выбором наиболее эффективных средств [Белова 2014а].

Агональность (конфронтация, полемика) является фундаментальной имманентной характеристикой речевого жанра дебатов. Полемические стратегии характеризуются в интерперсональном плане эристической агональностью (столкновение мнений, спор и т. п.), а в пропозиционально-аргументативном (фактуальном) аспекте — контраргументацией и манипуляцией, которые в разной степени проявляются в различных жанрах, в частности немецкой парламентской коммуникации [Белова 2014б].

Пропозициональный план дебатов в когнитивном аспекте представляет собой столкновение различных ментальных репрезентаций определенного политического события [ср.: Дейк 2013: 287]. Ментальные репрезентации определяются, в свою очередь, ментальными программами, т. е. сложными интенционально-мотивационными механизмами в когнитивных пространствах участников интеракции, определяющими интерпретацию и оценку рассматриваемой ситуации [Алферов, Кустова, Попова 2013].

«Украинский синдром» выявил «прототипическую» геополитическую и когнитивно-психологическую позицию Запада по отношению к России (см., напр.: [Вайнштейн 2007]), следствием которой стала парламентская риторика лояльного к политической верхушке Евросоюза правящего большинства немецкого парламента. На поверхностном уровне проявились русофобские стереотипы, облеченные в одежды фактуальности аргументативного дискурса, а на самом деле основанные на пропозициональной манипуляции, в которой проявлением русофобии «выступает не прямолинейная дезинформация, а субъективная расстановка акцентов и тенденциозность в отборе фактов» [Там же]. Определяющую роль здесь играет оценочная и коннотативная лексика (*агрессия, аншлаг, шовинизм* и проч.). Так, Россия «вернулась к шовинизму и политике влияния» (*diesen Rückfall in Chauvinismus und das Denken in Einflusszonen nicht erwartet*), «аннексировала Крым» (*eine Annexion der Krim*) и за агрессию «должна заплатить высокую политическую и экономическую цену» (*der Kriml für dieses Vorgehen einen hohen politischen und wirtschaftlichen Preis zahlen muss*), которая «позволит предотвратить дальнейшую интервенцию в Восточную Украину» (*Abschreckung vor einer möglichen weiteren Intervention in der Ostukraine*).

В запале эристической полемики некоторые немецкие парламентарии приводят до-

вольно сомнительные и даже смешные аргументы, которые только подчеркивают тенденциозность всей выражаемой ими ментальной программы (*eine Eurasische Union wäre ohne die Ukraine nichts wert. — без Украины Евразийский союз ничего не стоит*).

Одна из манипулятивных уловок (стратегем) [Schopenhauer] из арсенала эристической риторики — стратегия генерализации (обобщения), когда превалируют огульные формулировки типа *Путин стал заложником великорусской националистической риторики* (Putin spielt mit dem Geist des großrussischen Nationalismus... selbst Gefangener dieser Rhetorik wird), *Путин не выполняет обещаний о невмешательстве* (Putin: «Wir mischen uns nicht in fremde Interessen ein»), *о защите национального суверенитета стран* (das Völkerrecht schützen, die Achtung der nationalen Souveränität) или *нет никакой дискриминации русских в Крыму* (Es gibt keine nachweisbare Diskriminierung ethnischer Russen auf der Krim), *аннексия Крыма противоправна* (Einverleibung der Krim... zweifellos ein völkerrechtswidriges Ziel). Такой псевдофактуальный дискурс усиливается соответствующим иллокутивным оформлением: используются речевые акты упрека, требования (приказа), опровержения (отрицания). Так, Россию *упрекают* в «отходе от восприятия реальности» (Drift von Realitätswahrnehmung), в «неспособности вести диалог» (zu einer gefährlichen Dialogunfähigkeit); «Россия должна отвести войска из Крыма и начать диалог» (direkte Gespräche mit der legitimen ukrainischen Regierung) и, наконец, на Украине *нет* антисемитизма, это, оказывается, «всего лишь стереотип» (dass hier mit einem Stereotyp, dem vermeintlichen ukrainischen Antisemitismus, gearbeitet wird).

Слабость такой ментальной программы становится очевидной в противоречиях. Стереотип о «ненационализме» украинских майдановцев явно противоречит требованиям к правительству Яценюка (an die Regierung Jazenjuk appellieren) *дистанцироваться от националистических радикалов* (sich von nationalistischen Radikalen, teilweise auch in den eigenen Reihen, zu distanzieren), напоминаниям о том, что не выполнен договор от 21 февраля о разоружении нелегальных носителей оружия (die Entwaffnung der illegalen Waffenträger... gemäß dem Abkommen vom 21. Februar nicht umgesetzt worden ist) и т. д. При этом постоянно происходит подмена понятий международного и гуманитарного права, которая приводит к аксиологической и понятийной инверсии («черное — это белое» и т. п.) — главному приему политической манипуляции. Так, правительство в Киеве называется легитимным, а в Крыму находятся *нелегально размещенные войска* (illegal auf der Krim stationierten Truppen), говорится о *снайперах Януковича* (von den Scharfschützen des Janukowitsch-

Regimes), об *отравляющей души русских людей пропаганде на русском телевидении* (die geradezu gespenstische Propaganda Sorgen, die im Moment die Seelen der russischen Menschen vergiftet), отрицается провозглашение запрета новых украинских властей говорить на русском языке («dürfe in der Ukraine jetzt nicht mehr die russische Sprache benutzen, das sei verboten»).

Однако парламентская манипуляция в какой-то степени отличается от общеполитической [Дейк 2013: 275—276] прежде всего тем, что она осуществляется в рамках институционального парламентаризма, в котором риторике «мейнстрима» всегда или почти всегда противостоит оппозитивный дискурс. В рассматриваемом парламентском событии такой дискурс представлен выступлением Грэгора Гизи, председателя фракции оппозиционнойлевой партии, который резко и открыто обвинил Запад в политике двойных стандартов и потакании радикально настроенным политикам в Киеве. Разоблачение риторических уловок, попыток оправдания нарушений юридических и нравственных норм, допущенных выступавшим большинством, становится главной стратегией в фактуальной и перформативной контраргументации оппозиционного депутата.

Первым контраргументативным речевым ходом оратора становится перформативный квестив (риторический вопрос): значит, Конституция может действовать лишь иногда и не везде — иначе как оправдать отстранение легитимного президента Украины от должности (Akzeptieren Sie die ukrainische Verfassung ganz oder nur in bestimmten Teilen, wenn es Ihnen genehm ist?..). Далее следует речевой акт оценки и косвенного обвинения, в котором коннотативная лексика полностью соответствует своему понятийному содержанию — Грэгор Гизи прямо называет членов нового Кабинета министров Украины фашистами: *Вице-премьер, министр обороны, министр сельского хозяйства, министр по экологическим вопросам и генпрокурор — фашисты! Глава Совета национальной безопасности — основатель фашистской партии „Свобода“. Фашисты занимают важные должности и доминируют, в частности, в области безопасности. А фашисты никогда не отдают даже малую часть захваченной власти — подчеркнул Гизи* (Der Chef des nationalen Sicherheitsrates war Gründungsmitglied der faschistischen Swoboda-Partei. Faschisten haben wichtige Posten und dominieren zum Beispiel den Sicherheitssektor. Noch nie haben Faschisten freiwillig die Macht wieder abgetreten). При этом он отметил, что с *распространением фашизма на Украине в Европе „ничего не делают“* (Und bei den Faschisten in der Ukraine machen wir nichts?).

Для усиления аргументации Г. Гизи использует признанные в институциональном дискурсе стратегии прецедентности и интертекстуальности. Гизи заявляет, что *признание*

Косова открыло ящик Пандоры (Sie öffnen beim Kosovo eine Büchse der Pandora). По его мнению, что позволено Косову, должно быть позволено и другим. Ситуация с отделением Крыма от Украины ничем не отличается от ситуации с Косовом. По словам политика, НАТО и ЕС совершили все ошибки, какие только могли (Alles, was NATO und EU falsch machen konnten, haben sie falsch gemacht). Он вспомнил об объединении Германии и о данном тогда обещании не расширять НАТО на восток. Но договоренность была нарушена. И теперь при содействии Запада сформировано новое правительство в Киеве, которое тут же признали Обама, ЕС и Германия.

Интертекстуальность как дискурсивная категория имеет неоспоримый аргументативный потенциал [Алферов 2001], и Гизи приводит дословную цитату лидера «Свободы» О. Тягнибока: «Берите оружие, сражайтесь с русскими свиньями, с немцами, с жидовскими свиньями» (Schnappt euch die Gewehre, bekämpft die Russensäue, die Deutschen, die Judenschweine und andere Unarten), заключая свой аргументативный ход почти риторическим квестивом, обращенным к коллегам-законодателям: *И вы молчите? И с этими людьми из „Свободы“ мы еще разговариваем?*

Аргументативный план речевой интеракции неразрывно связан с интерперсональным, главными стратегиями которого являются агональная (конфронтация) и миметическая (сотрудничество) [Алферов, Кустова 2013]. Применительно к парламентской коммуникации эти две стратегии приобретают больший масштаб и превращаются из интерперсонального в корпоративный (партийная консолидация) и межкорпоративный (как правило, противоправленный) дискурсы парламентской коммуникации. Поэтому позиция левых немедленно подвергается критике и подобию контраргументации, которая сводится в основном к «спору о словах»: дескать, на Майдане были не „фашисты“, а только некоторые „неэстетичные фигуры“ (einige unästhetische Figuren). Зато агональная интерперсональность в полной мере проявляется в прямых оскорблениях, выкрикиваемых с мест во время выступления Г. Гизи, и в стратегеме *ad hominem* («переход на личности») — Г. Гизи повторяет русскую пропаганду (die russische Propaganda von diesem Platz aus wiederholt), — а то и в прямых угрозах: *Herr Gysi, wenn Sie sich heute hier noch einmal hinstellen und die Maidan-Bewegung diffamieren...* (Господин Гизи, если Вы сегодня еще раз выступите и будете клеветать на движение на Майдане... — реплику произносит депутат от фракции «Зеленых» К. Геринг-Эккардт); *wenn Sie sich hier noch einmal hinstellen und so tun (если Вы сегодня еще раз выступите и будете делать вид...); als wären es die rechten Kräfte gewesen, die den Maidan bestimmt hätten (...что на Майдане якобы правили правые*

силы...); wenn Sie so tun, als ob in der ukrainischen Regierung diese Kräfte die Oberhand hätten (...если Вы делаете вид, что в украинском правительстве эти силы командуют...) и т. д.

Проявляется и межкорпоративная (межпартийная) агональная контраргументация в выступлении г-на Мютцениха: *Insofern will ich Ihnen sehr deutlich sagen, Herr Kollege Gysi: Die Kritik der Linken allein um der Kritik willen wird den außenpolitischen Herausforderungen nicht gerecht (Я хочу Вам совершенно четко сказать, господин коллега Гизи: критика со стороны левых только ради критики не соответствует внешнеполитическим вызовам).* Ее подхватил N. Spinrath (SPD), говоря, что руководители фракции левых остаются привержены старому «блочному мышлению» и необычайной верности («верность Нибелунгов») старым друзьям (России), что не позволяет многим в парламенте воспринимать их серьезно: *...Ihre Reminiszenzen an altes Blockdenken und Ihre Nibelungentreue zu alten Freunden machen es mir und vielen in diesem Haus oftmals hinreichend schwer, Sie ernst zu nehmen.*

Тем не менее парламентский дискурс отличается от общеполитической конфронтационной пропаганды необходимостью принятия решений, которые имеют большой политический вес, требуют значительно большей меры ответственности и, следовательно, не только политической, но и взвешенной гражданской и государственной позиции. «Встает вопрос о механизмах превращения агональной и полемической политической коммуникации в институциональную законотворческую текстовую деятельность. Здесь можно ставить вопрос об институциональности дискурса как о мере ответственности субъектов его порождающих» [Алферов, Кустова 2014].

Такая ответственность вынуждает к сближению точек зрения, к учету многоплановой политической ситуации, возникшей на Украине, и ее последствий для Европы. Г. Гизи первым предложил основополагающие шаги к урегулированию конфликта. Декларативная иллюкутивность, деонтическая и волитивная модальности, а также структурная парцелляция (нумерация) делают речь этого депутата жесткой и целенаправленной: 1) *признать* легитимные интересы России в отношении Крыма... (die legitimen Sicherheitsinteressen Russlands auf der Krim anerkennen), *гарантировать*, что Украина не станет членом НАТО (nicht Mitglied der NATO wird); 2) *перспектива* Украины — функция мостика между ЕС и Россией (Brückenfunktion zwischen EU und Russland); 3) на Украине *должен начаться* процесс установления взаимопонимания и примирения между Востоком и Западом (ein Prozess der Verständigung und Versöhnung zwischen Ost und West eingeleitet werden...).

Представители большинства также переходят от агональности (конфронтации) к попыткам правового урегулирования и компро-

мисса (консенсуса), к конструктивным предложениям. Этому служит прежде всего стратегия согласия с пропозицией и аргументацией дискурса левых, усиленная миметической аппеллятивной стратегией (обращение или референция к ониму): К. Göring-Eckardt поддерживает мнение Г. Гизи о недостаточном учете интересов Москвы (*die Interessen Moskaus missachtet wurden*), ссылаясь на лидера левых (*Sie, Herr Kollege Gysi, haben darüber gesprochen*). Н. Спинрат выражает согласие с позицией Гизи относительно представителей партии «Свобода»: *Lieber, werter Kollege Gysi, ich will Ihnen in Bezug auf die Vertreter der Swoboda-Partei durchaus recht geben; sie haben auch nach meinem Empfinden in der Regierung nichts zu suchen (...Им нечего делать в правительстве)*. К. Г. Веллманн говорит об общем поиске возможности конституционной реформы на Украине (*gemeinsam über eine Verfassungsreform reden*): о федерализации по немецкому образцу (*eine Föderalisierung nach deutschem Modell*), о возможности дать регионам право решать языковую проблему (*in den Regionen entschieden werden*), о необходимости сохранять голову холодной и не закрывать все двери (*einen kühlen Kopf behalten... und nicht alle Türen zuschlagen*).

Средством реализации стратегии компромисса выступает употребление конъюнктива. О необходимости найти возможность учесть интересы всех участников процесса говорит А. Шоккенхофф: *Das **würde** Russland nutzen, das **würde** uns nutzen, das **würde** der Ukraine nutzen, das **würde** Chancen... (Это было бы выгодно для России, это было бы выгодно для Украины, это...)*.

Генерализация используется и как миметическая стратегия уступки, согласия с собеседником, когда в аргументацию включаются привычные топосы («общие места»), такие как алетические модусы («обычно так бывает»), деонтические («иначе нельзя»), волитивные («ничего не поделаешь»): *In solchen Situationen wird viel gelogen (В таких ситуациях много лжи)*; общепризнанные ценности: стабильность, демократия и правовое государство (*dabei zu helfen, zu Stabilität, Demokratie und Rechtsstaatlichkeit zu finden*) и т. д. Метафоризация также выполняет функцию модерации, смягчения агональности, выступает как попытка концептуализации происходящего [Чудинов, Будаев 2008], примером чему может служить метафора болезни: Украина находится в предкоматозном состоянии (*in der Gefahr, ins Koma zu fallen*), но такой серьезный диагноз нельзя ставить без учета потенциала страны (*eine so ernste Diagnose nicht ausgesprochen werden, ohne auf die Potenziale des Landes hinzuweisen*) и т. п. Помимо метафор, в снижении накала противонаправленных агональных дискурсов большую роль играет переход от субъект-субъектной направленности (корпоративной конфронтации) к субъект-объектной перспек-

тиве (оценка положения дел, осмысление ситуации). Такая стратегия усиливается использованием модально-экспрессивных конструкций и эмоционально окрашенной коннотативной лексики: *Die Situation in der Ukraine ist nicht nur politisch **prekär** und wirtschaftlich **desolat**... (Ситуация на Украине не только политически **неприятна** и экономически **печальна**); *Die Situation im Osten Europas ist **gefährlich angespannt** (Ситуация на востоке Европы **опасно накалена**); *Unsäglich! ...Diese Volksverhetzung, die für die Erreichung militärischer Ziele genutzt wird, ist unglaublich... Ich finde das alles tragisch (Веллманн: Недопустимо!.. Это разжигание розни... невероятно... Я нахожу все это трагичным).***

Пропозиционально поиск консенсуса выражается в попытке найти стратегически главное направление в преодолении кризиса, важность которого также маркируется экспрессивными средствами: *...waren die letzten Wochen ein herber Rückschlag; ...age der Verunsicherung und Enttäuschung. Dennoch bin ich der Überzeugung: Wir brauchen eine Entspannungspolitik in Zeiten neuer Spannungen... Der Kalte Krieg war ein Übel, das nicht nach Europa zurückkehren darf (Мютценх: Последние недели — горький шаг назад... дни неуверенности и разочарования. И все же я убежден: нам нужна политика разрядки во времена новых обострений... Холодная война была ужасом, который не должен вернуться в Европу).*

Таким образом, полемика и агональность являются имманентными характеристиками институционального жанра парламентских дебатов. Контраргументативные стратегии и тактики основаны на различных пропозициональных, иллокутивных, интерперсональных интенциях субъекта речи. Их реализация осуществляется посредством определенной номенклатуры речевых действий и дискурсивных шагов с использованием экспрессивно маркированных языковых средств. Парламентская коммуникация выполняет не столько информативно-декларативную, сколько регулятивную функцию. Поэтому динамика агональности конфронтационных дискурсов определяется институциональной спецификой парламентской коммуникации, конечная цель которой — формирование государственной политики, адекватной вызовам политической реальности. Однако, как показывает практика, парламентская коммуникация не только производна от политической борьбы и политической ситуации и диалогична в столкновении мнений, но и достаточно «монологична»: принятие парламентских решений (документов) не всегда зависит от здравого смысла или весомости тех или иных аргументов. Решение определяется «демократическим» большинством, которое, как правило, руководствуется правительственными интересами. Законодательное собрание Германии своим большинством поддерживает политику ЕС и правительства ФРГ, политику, определяемую

фрейдистскими страхами перед «российской геополитической экспансией».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алферов А. В.* Интеракционный дейксис. — Пятигорск : ПГЛУ, 2001.

2. *Алферов А. В.* Когнитивное пространство интеракционного дискурса // *Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та.* 2007. № 3—4. С. 106—108.

3. *Алферов А. В.* Некоторые интеракционные аспекты парламентской коммуникации // *Мир через языки, образование, культуру : материалы 7 Междунар. конгр. Симпозиум XI.* — Пятигорск, 2013. С. 5—8.

4. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю.* Актуальные аспекты интеракционной теории языка. — Пятигорск, 2013.

5. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю.* Изотопия парламентского дискурса (на материалах сайтов французской национальной ассамблеи) // *Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления : материалы VIII Конвента Рос. ассоциации междунар. исследований (МГИМО, 25—26 апр. 2014 г.).* URL: <http://www.gami.ru/images/8theses/s13-alfеров.doc> (дата обращения: 23.08.2014).

6. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю.* О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // *Политическая лингвистика.* 2014. № 3 (49). С. 22—31.

7. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е.* Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников // *Вестн. ПГЛУ.* 2013. № 2. С. 77—79.

8. *Белова В. Ф.* Репликативная составляющая немецкого парламентского дискурса = Replying Component in German Parliamentary Discourse // *2nd the International Conference on the Transformation of Education.* — London, 2014a. P. 48—58.

9. *Белова В. Ф.* Лингвопрагматические черты немецкого парламентского дискурса (на материале запроса-заявления партии и дебатов в Бундестаге) // *Вестн. ПГЛУ.* 2014b. № 2. С. 63—67.

10. *Борисшполец К. П.* Методы политических исследований. — М. : Аспект Пресс, 2005.

11. *Вайнштейн Г. И.* Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре.* 2007. № 1 (51). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/va3.html> (дата обращения: 23.08.2014).

12. *Дейк Т. А. ван.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М. : ЛИБРОКОМ, 2013.

13. *Чудинов А. П., Будаев Э. В.* Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта, 2008.

14. *Cobby F.* Obama : entre factivité et performativité. URL: http://discoursalaloupe.blogspot.ru/2010/02/obama-entre-factivite-et-performativite_04.html (9.06. 2014).

15. *Schopenhauer A.* L'Art d'avoir toujours raison. URL: http://www.fr.wiki-source.org/wiki/%99avoir_toujours_raison (23.08.2014).

ИСТОЧНИКИ

16. *Plenarprotokoll 18/20* Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht 20. Sitzung Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014. URL: www.heenemann-druck.de www.betrifft-gesetze.de (дата обращения — март 2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.